

Сона Грей

Синишком
БЛИЗКО

Соня Грей

Слишком близко

<https://litres.ru/74346187>

Аннотация

Случайная ночь в баре должна была остаться лишь ошибкой. Арина не рассчитывала на продолжение и уж точно не собиралась снова искать этого мужчину. Но утром выяснилось, что искать его и не нужно — Артём Крылов, с которым она провела ночь, оказался владельцем дома, куда она только что переехала.

Он закрытый, жёсткий и привык держать дистанцию. Она не из тех, кто подстраивается под чужие правила. Их лучше бы развести по разным мирам, но они слишком близко друг к другу, чтобы просто сделать вид, что ничего не было.

И когда в яркой жизни Арины появляется реальная угроза, Крылов оказывается рядом.

Вот только разобраться с внешними проблемами оказывается проще, чем с тем, что происходит между ними.

Подписывайтесь, добавляйте в библиотеки, ставьте звездочки
♥#Стараюсь для вас!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	70
Глава 9	77
Глава 10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1

Арина

После долгого, выматывающего дня — с коробками, переездом и бесконечной суетой — я наконец толкнула дверь небольшого бара с вывеской «Канал». Меня сразу окутал знакомый, почти уютный аромат: разливное пиво, горячие куриные крылышки и что-то тёплое, свежеиспечённое, словно обещание отдыха. Я с тихим облегчением опустила на высокий стул у барной стойки, позволяя себе впервые за день просто остановиться.

— Первый раз тут? — спросил бармен, мужчина средних лет с аккуратной проседью в бороде. Он приветливо кивнул и пододвинул ко мне потрёпанную кожаную папку с меню.

— Разве так заметно? — я машинально поправила выбившуюся прядь. Улыбка давалась с трудом: после десятичасовой работы лицо казалось чужим, застывшим.

— Я Дима, сегодня буду вашим заботливым барменом и жилеткой, — произнёс он с искренней теплотой в голосе, сразу вызывая симпатию. — Значит, вы впервые в Москве?

— Я давно живу в Москве, — вздохнула я, рассматривая свои замерзшие руки. — Просто решила перебраться поближе к работе.

— У нас тут хорошо, гарантирую. Что будете?

— «Московский мул», пожалуйста.

Мягкий янтарный свет мягко разливался по залу, обволакивая стены и придавая кирпичной кладке тёплый мерцающий оттенок. В углу кто-то тихо переговаривался, их приглушённые голоса сливались с меланхоличными нотками джаза. Всё вокруг было уютно и почти по-домашнему... но внутри меня оставалась странная пустота. Это было знакомое чувство — ощущение, что я снова не там, где должна быть. Переезды всегда оставляли на мне этот лёгкий, но настойчивый след — чувство чуждости.

И вдруг я увидела его.

Он сидел в самой дальней ложе, вдалеке от остальных. В тени его присутствие казалось особенно ощутимым. Воздух вокруг него был плотным, почти неподвижным. Тёмный пиджак идеально сидел на его плечах, словно созданный специально для него. Он застыл в неподвижности, как статуя, высеченная из света и тени.

Взгляд его был прикован к телефону, но в этом сосредоточении было что-то большее — не просто пролистывание, а напряжённая внутренняя работа. Его спина оставалась неестественно прямой, как будто он не позволял себе расслабиться ни на миг.

Тёплый свет лампы, падающий на стол, резко очерчивал линию его скул, делая её чёткой и холодной, словно лезвие ножа в полумраке.

И вдруг он поднял глаза.

Они оказались светлыми, почти прозрачными, ледяны-

ми. Холод пронзил меня сквозь гул голосов и музыку, сквозь уют, который только что казался настоящим. Мужчина неспешно отпил, не отрывая взгляда, и в этот миг стало ясно: он здесь и одновременно где-то бесконечно далеко. В месте, куда не ведут никакие двери.

Я отвернулась, когда Дмитрий поставил передо мной холодную медную кружку, запотевшую от льда. Сделала глоток имбирного пива и ощутила приятную остроту, но мысли упорно возвращались к углу, где сидел незнакомец. Высокий, темноволосый, пугающе одинокий среди людей.

— О, сегодня он какой-то особенно грустный, — заметил Дмитрий.

Я вздрогнула и обернулась. Мужчина стоял слишком близко к стойке и источал удушливый аромат дорогого парфюма. Его натянутая улыбка выглядела холодно и вызывала тревогу.

— Всё хорошо, — я отодвинулась, крепче сжимая ручку кружки. Внутри меня зародилось недоброе предчувствие.

— Да брось, ты явно грустишь. Хочешь вторую? За знакомство, — он навалился на стойку, почти касаясь моего плеча. — Я Антон.

— Спасибо, Антон, но одной мне достаточно, — мой голос звучал твёрдо, хотя я старалась не грубить.

Улыбка Антона стала шире, но в ней появилось что-то неприятное.

— Чего ты такая злюка? Тебе сейчас не мешает хоро-

шая компания, — сказал он, резко схватив меня за плечо. Хватка была крепкой и властной.

Сердце на мгновение замерло, а потом бешено забилося в горле. Я инстинктивно попыталась вырваться, но его пальцы впились в кожу ещё сильнее. По спине пробежала волна холода, словно я почувствовала нечто злое.

— Я же сказала: всё хорошо. Отпусти меня, — отрезала я, но он только рассмеялся, как будто мои слова были нелепыми.

Я быстро взглянула на Дмитрия, но он уже исчез на кухне или в подсобке. В баре повисла тишина. Я собралась уйти, не допив, но едва поднялась с табурета, как Антон резко обернулся, преграждая мне путь и прижимая к стойке. Внутри меня начала нарастать паника.

Вдруг я заметила движение рядом. Подняв глаза, увидела его. Высокий и молчаливый, он встал между нами, не касаясь ни меня, ни Антона. Тот сразу отступил, разжав пальцы. Его широкие плечи образовали невидимую преграду.

— У тебя проблемы какие-то? — спросил он глубоким, спокойным голосом.

Антон замялся, посмотрев на него.

— Просто беседовали, — ответил он сдержанно.

— Не похоже на дружескую встречу, — незнакомец напряг челюсть. Его поза оставалась спокойной, но внушительной.

Я с трудом удержалась от того, чтобы почесать руку, куда

впились пальцы Антона. Сердце бешено колотилось, но теперь уже не из-за него. Мужчина рядом выглядел напряжённым и опасным, и я не могла понять почему.

Неприятный мужчина тихо что-то пробормотал и ушёл. Я проводила его взглядом, а затем снова посмотрела на незнакомца, который теперь казался не столько пугающим, сколько загадочным.

— Спасибо, — хрипло выдавливаю я. Его голубые глаза завораживают, ловят мой взгляд и удерживают его.

Он кивает, но задерживается. Взгляд его скользит к моим губам, прежде чем вновь встретиться с моими.

— Не стоит оставаться здесь одной, — тихо говорит он, его голос звучит грубо.

— Я могу постоять за себя, — ответила я, слегка наклоняясь к нему. Внутри что-то дрогнуло — то ли благодарность, то ли любопытство.

Он усмехнулся, как будто одновременно смеялся и рычал.

— Да, это я уже увидел.

Я поняла, что не могу отпустить его сейчас. Не знаю, почему. Ночь уже была испорчена, а он... казался интересным.

— Давай я тебя угощу? — вырвалось у меня.

Он молча посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на бар, на свой бокал и снова на меня. В глазах промелькнуло что-то — то ли сомнение, то ли интерес.

— Не надо.

— Ну, хотя один шот, — улыбнулась я. — В знак благодарности.

— Это не по-мужски.

Прищуривается, словно пытаюсь прочитав что-то на моём лице. Затем молча садится рядом. Барный стул скрипит под весом его тела.

— Ты здесь, как дома, — говорю я, ощущая, как тишина становится почти осязаемой. — Завсегдатай?

Его губы слегка дрогнули. Мужчина кивнул в сторону шумного зала, где люди смеялись и переговаривались, но ничего не ответил. Его взгляд, полный сосредоточенности, оставался на мне, будто я была сложной головоломкой, а он искал ключ к её разгадке.

Он повернулся к бармену, не отрывая от меня глаз:

— Двойной виски со льдом, — сказал он. — И повторите даме её коктейль. «Московский мул», верно?

Дмитрий кивнул и начал готовить напитки. Незнакомец провёл большим пальцем по краю бокала, и я вздрогнула. Он заметил это: его взгляд на мгновение стал пронзительным, но быстро смягчился.

Я сделала глоток «Московского мула», пытаюсь унять дрожь в пальцах. Виски перед ним ещё не было — Дмитрий только ставил лёд в стакан.

Пальцы мягко сжимают моё запястье, но держат крепко. Другая ладонь, едва касаясь, скользит по щеке. Тепло его ко-

жи обжигает, вызывая волну жара вдоль позвоночника.

Хочу крикнуть «стой», но слова застревают в горле. Наклоняюсь ближе. Тело подчиняется, разум словно засыпает.

Он целует — это не поцелуй, а захват. Жёсткий, властный, без предупреждения. Вздрагиваю от неожиданности, но не сопротивляюсь. Мой ответ — страсть, неукротимая, почти безумная. Руки впиваются в его пиджак, притягивая ближе.

Его ладони уверенно обвивают мою талию, привлекая ещё ближе. Дыхание сливается, мир сужается до прикосновения, до биения двух сердец, внезапно бьющихся в унисон.

— Уверена? — его голос хриплый, глубокий. Это не вопрос, а черта, за которую нельзя перейти.

Отрываюсь от его губ, дышу через раз, смотрю в глаза. В них бушует буря, напряжение, что-то неукротимое.

— Знаю, — шепчу, не отводя взгляда.

Он выдыхает, его руки напрягаются, наполняясь нетерпением. Я снова тянусь к нему, скольжу руками под пиджак, ищу тепло его спины через ткань рубашки.

— Мы неправильно себя ведём, — произносит он, касаясь моих губ.

— Знаю, — повторяю. В этом слове — признание момента и того, что за ним последует.

Он отпускает мои руки и помогает встать. Его прикосновения обжигают даже через одежду. Мы стоим почти вплотную, и между нами больше нет ничего — ни барьеров, ни вопросов.

Бармен ставит на стойку новые напитки, даже не заметив, что произошло у него под носом. Незнакомец бросает на стойку деньги, не дожидаясь сдачи, и кивает в сторону выхода.

— Пойдём?

Я молча киваю. Ноги немного подкашиваются, но я иду за ним, стараясь не отставать.

В такси царит тишина. Он прижимает меня к себе, его тело горячее, словно огонь. Слышен лишь шорох куртки да мой бешено колотящийся пульс. Я ощущаю каждую мышцу его руки, оббившей мои плечи, каждый неровный вздох.

Едем недолго. Он платит без сдачи, и мы выходим на прохладный асфальт. Ночной воздух остужает разгорячённое лицо, но лишь на мгновение. Такси уезжает, оставляя нас одних под тусклым светом фонаря.

Лифт. Он стоит рядом, затаив дыхание, следит за цифрами на табло. Если я коснусь его сейчас, мы точно не доедем. Я это чувствую — напряжение между нами становится почти осязаемым.

Двери открываются. Он выходит первым, уверенной походкой. Я следую за ним, как во сне. Это не похоже на меня, но я не могу остановиться. Шаги гулко отдаются в пустом коридоре, а я до сих пор не могу поверить, что иду за незнакомым человеком.

Квартира встречает нас тишиной. Дверь захлопывается за спиной, и мы снова целуемся — жадно, безрассудно. Ключи

с тихим звоном падают на пол, но нам всё равно.

— Уверена? — глухо спрашивает он. Его голос пропитан безумием, как и мой.

— Да, — отвечаю спокойно.

Он подхватывает меня на руки. Я обвиваю его ногами, притягивая ближе. Он издает тихий звук — нечто среднее между стоном и рыком — и несёт меня по тёмному коридору. Я закрываю глаза, погружаясь в это безумие.

Кто он? Я даже не знаю его имени. Но сейчас, когда его губы касаются моей шеи, а руки сквозь ткань обжигают кожу, это не важно.

Мир сужается до наших тел, дыхания и шороха одежды. Ничего подобного я раньше не испытывала.

Тишина вокруг — лишь наше дыхание, стук сердец и шорох одежды. Мир сузился до наших прикосновений, тепла его тела и ощущений, которых я раньше не испытывала.

Он останавливается, на мгновение замирает, будто давая мне последний шанс передумать. Но я лишь крепче прижимаюсь к нему.

— Не останавливайся, — шепчу я.

Он не отвечает — только сильнее прижимает меня к себе и делает шаг вперёд.

Глава 2

Артем

Не могу поверить, как быстро пролетела ночь. Мир за пределами квартиры будто исчез. Еще полчаса назад я сидел в баре, потягивая виски и пытаюсь спрятаться от бесконечных совещаний, цифр и бессмысленных разговоров. А теперь я веду девушку за руку по коридору, ощущая ее тепло, дыхание у уха и крепкие объятия вокруг моих бедер. Моя рубашка усталась у порога — сейчас она кажется ненужной.

Я открываю дверь в спальню. Осторожно кладу девушку на кровать в полумраке комнаты. Она тут же тянется к волосам, быстро снимает резинку, и густые каштановые пряди падают на подушку. Её зелёные глаза светятся в полутьме, пристально смотрят на меня. В них я вижу то же сильное желание, что сжимает мне грудь. Её губы припухли и порозовели от поцелуев, и всё, чего я хочу — ощутить их вкус снова.

Быстро скидываю ботинки и остатки одежды. Остаюсь в комнате, где слышу только наше прерывистое дыхание. В каждом её жесте, в каждом взгляде я чувствую ту же страстную жажду, ту же лихорадку, которая вибрирует в моих нервах.

Ложусь рядом, и наши губы снова встречаются. Этот жар невозможно утолить, его можно лишь впитывать. Мои ладони медленно скользят по её телу, запоминая каждый изгиб

и родинку. Кожа под моими пальцами бархатистая и невероятно горячая. Я ощущаю мягкую линию её бёдер и ответную дрожь, пробегающую по её телу от каждого прикосновения.

Блузка падает на пол: я снимаю её жадно, едва справляясь с мелкими пуговицами. Затем тонкое кружево белья. Накладываю ладони на её грудь, наслаждаясь её тяжестью и теплом. Когда слегка касаюсь кончиком пальца соска, она прерывисто вскрикивает и выгибается мне навстречу. Опускаю голову, касаюсь её кожи губами — чувствую, как она замирает, а тело пронизывает дрожь.

Моя рука скользит под край юбки, касаясь нежной кожи внутренней стороны бедра. Она содрогается, и этот короткий, судорожный вздох пронзает тишину комнаты, действуя на меня сильнее любого вина. Жар между нами становится почти осязаемым, плотным. Инстинкты кричат сорваться, двигаться резче, быстрее, но я сдерживаюсь. Хочу продлить это сладкое мучение, этот момент невыносимого ожидания. Она готова — я чувствую это по её движениям, по тому, как она тянется ко мне. Каждое её прикосновение — немая мольба.

Я касаюсь края её трусиков, на мгновение останавливаясь. Хочется запомнить этот миг, этот её взгляд, полный страсти и мольбы.

— Пожалуйста... — шепчет она, её голос срывается, дыхание становится прерывистым и частым.

Я невольно усмехаюсь, наблюдая, как она извивается на

простынях. Отчаяние в её глазах и страстное желание разрушают мои барьеры.

— Ты ведь этого хочешь? — спрашиваю я хрипло, непривычно даже для самого себя.

— Да, — отвечает она, и в её голосе столько чистого, искреннего желания, что я больше не могу сдерживаться. — Я хочу тебя.

Сдвигаю ткань в сторону. Сладкий, острый, пьянящий запах её кожи заполняет всё вокруг. Она откликается на каждое моё прикосновение: влажная, горячая, полностью открытая.

Ласкаю медленно, но уверенно. Она выгибается, впиваясь пальцами в мои плечи. Её стоны наполняют комнату, и я теряюсь в них, теряя связь с реальностью.

Её тело напряжено, как струна. Дыхание сбивается. Я веду её к краю, выжимая каждую секунду. Когда её накрывает, она громко кричит. Этот звук заполняет всё вокруг. Её тело дрожит, глаза затуманиваются.

Я медленно убираю руки, не отрывая взгляда от её покрасневшего лица. Мне нужно больше. Её вкус.

Наклоняюсь ближе.

— Ещё, — шепчет она, вцепляясь в простыни.

Её тело дрожит от остаточного возбуждения.

Мне не нужно повторять дважды. Срываю с неё юбку и тонкие кружевные трусики, отбрасывая их в темноту.

Опускаюсь ниже, заменяя пальцы теплом губ и языка.

Сначала медленно, растягивая наслаждение. Но голод внутри меня усиливается, заставляя ускорить движения. Она выгибается, её стоны становятся всё более страстными, подстегивая меня. Её руки вцепляются в мои волосы, направляя мою голову туда, куда нужно.

Добавляю палец, осторожно вводя его. Нахожу то самое место, от которого она всегда вздрагивает. Её тело содрогается, из груди вырывается пронзительный крик.

— О, боже, — шепчет она, запрокидывая голову.

Ускоряюсь: губы и пальцы двигаются в яростном ритме. Хочу снова услышать её крик, ощутить, как тело дрожит под моими руками. Но когда она снова на грани, дыхание сбивается, а тело напрягается, я останавливаюсь.

Ее глаза широко распахиваются, и в них смешиваются недоумение и неутоленная, пылающая страсть.

— Почему?..

— Потому что я хочу, чтобы ты взорвалась от наслаждения, когда я буду внутри. Мне нужно быть в тебе.

Ее дыхание срывается. Она медленно кивает, и ее глаза темнеют от нарастающего желания.

— Да. Я тоже этого хочу.

Я не жду больше ни секунды.

Сбрасываю боксеры, на секунду отворачиваюсь, тянусь за презервативом. Руки дрожат, и это не только от желания. Во мне пульсирует первобытный, животный голод, но под ним — что-то еще, что-то более глубокое, чему я отчаянно бо-

уюсь дать имя. Замираю на мгновение, пытаюсь уцепиться за остатки самоконтроля. Но ее взгляд, прикованный ко мне, тянет меня.

— Прошу... — шепчет она, и это слово пронзает меня до самых костей. Каждый инстинкт требует действовать, но другая часть меня — та, что так долго держала все в ежовых рукавицах, — хочет отступить, сбежать.

Но я не могу. И не буду.

Надеваю презерватив, возвращаюсь к ней, нависая над ее телом. Ищу ответ в ее глазах, чувствуя, как притяжение между нами — сильнее всего, что я испытывал за долгие годы.

— Ты точно хочешь этого? — мой голос низкий, густой от хриплого желания, но я еще держусь, ровно настолько, чтобы не сорваться окончательно.

Она кивает, губы приоткрыты, едва слышно дышит.

— Да. Сейчас.

Прижимаюсь к ней, нахожу ее вход и на секунду замираю. Дело не в ней. Во мне. Мой разум — настоящее поле боя: жажда обладать ею, эта отчаянная, почти безумная потребность чувствовать ее — сталкивается с той частью меня, что прекрасно знает: ни к чему хорошему это не приведет. И все же я вхожу в нее одним плавным, но глубоким движением, отбрасывая все мысли прочь, пока ее тело жадно принимает мое.

Она вздрагивает, глаза распахиваются — огромные, в них и испуг, и какая-то дикая жажда. Я замираю, боясь спугнуть

этот миг, даю ей и самому себе привыкнуть к этой невыносимой близости. Ее ладони уже на моих бедрах: пальцы впи-
ваются в кожу, притягивают ближе, без слов требуя того, че-
го мы оба ждали слишком долго.

— Ну же, — умоляет она, и голос ее, сорванный и без-
защитный, окончательно сбивает меня с толку. — Пожалуй-
ста...

Я начинаю двигаться — сначала осторожно, почти береж-
но. Хочется верить, что я все еще могу держать себя в руках,
что могу дать ей только эту нежность и ничего больше, но,
когда она тесно сжимается вокруг меня, весь мой хваленый
контроль исчезает. Ее запах, тепло ее кожи, это сводящее с
ума ощущение... Все, я за гранью.

Ее пальцы мертвой хваткой впиваются мне в спину, но-
ги обвивают талию, притягивая еще глубже, требуя жестче,
неистовей. Напряжение в комнате, кажется, можно потро-
гать руками. Я наклоняюсь и накрываю ее рот в жадном, по-
чти отчаянном поцелуе. В этом движении все: и то бешеное
нетерпение, что копилось во мне с самой первой секунды на-
шей встречи, и какая-то злая радость обладания.

— Боже, — хриплю я ей прямо в губы. — Какая же ты
горячая...

Она стонет в ответ, подаваясь навстречу, и я чувствую, как
она снова вздрагивает, как ее внутренний ритм подхватыва-
ет меня и несет куда-то выше, к самому пику. Мне нужно,
чтобы она почувствовала то же, что и я. Чтобы она взорва-

лась в моих руках.

— Давай, — рычу я, и голос мой едва узнаваем от страсти.
— Хочу чувствовать, как тебя накрывает. Всю, до конца.

Ее тело мгновенно отзывается: оно трепещет, сжимается, и я окончательно утопаю в этом ощущении, в ней самой. Ее крик разрывает тишину комнаты, и я следую за ним. Мое собственное освобождение накатывает сокрушительной волной. Я наслаждаюсь этим мигом до последнего удара сердца, до последней искры в глазах, прежде чем рухнуть рядом, совершенно опустошенный.

Я переворачиваюсь на бок и притягиваю ее к себе. Наши тела сливаются, сердца бьются в унисон. Я целую ее в висок и влажный от пота лоб, пытаюсь восстановить дыхание.

— Это было... — начинаю я, но слова застревают в горле. Они кажутся незначительными по сравнению с тем, что только что произошло.

— С ума сойти, — завершает она за меня.

Ее шепот вызывает у меня улыбку, и мое тело неожиданно отзывается на это. Жар в крови не угасает, а лишь временно утихает.

— Не думай слишком много, — шепчу я, убирая прядь волос с ее лица. — Иногда просто слушай себя. Слушай, что говорит твое тело.

Глава 3

Арина

Его прикосновения заставляют мое тело петь, хотя этого мало. В нем есть что-то первобытное, дикое, что пробуждает во мне неутолимый голод. Мне нужно больше.

Я приподнимаюсь на локтях, чувствуя, как влажная кожа липнет к телу. Смотрю на него сверху вниз. Его глаза затуманены наслаждением, но я вижу: под этой дымкой скрывается что-то еще. Грудь вздымается мерно, волосы растрепаны. Он выглядит удовлетворенным, но взгляд говорит обратное — он еще не закончил. И я тоже.

— Не знаю, что со мной творится, — хриплю я, мой голос сорван от звука, который он из меня вытянул. — Мы только что... дважды, а мне все мало.

Ленивая довольная ухмылка трогает его губы. Пальцы скользят по моему бедру, рассыпая искры, и я чувствую, как кожу пронзает дрожь.

— Еще? — Он тихо смеется низким, уверенным голосом, полным обещания. — Думаю, я смогу.

Я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его губам. Вкус — это мы. Наша связь витает в воздухе, осязаемая, почти осязаемая. Кожа гудит от предвкушения, но я понимаю: дело не только в этом. Я истосковалась по близости, по острому желанию, по этой связи, которая поглощает меня целиком. Я

схожу с кровати и опускаюсь между его ног. Наконец-то нахожу то, чего раньше никогда не было.

Аккуратно, медленно снимаю презерватив. Хочу продлить момент, заставить его ждать. Только теперь понимаю: вся сила в этой паузе, в контроле над происходящим. То, что ускользало от меня раньше.

Его взгляд прикован ко мне, темный и нетерпеливый. В его глазах я вижу ожидание, но у меня свои намерения. Хочу играть, сводить его с ума. Пусть чувствует: я рядом, близко, но остаюсь загадкой.

Наклоняюсь и целую внутреннюю сторону его бедер. Его тело напрягается под моими губами. Медленно приближаюсь к тому, что ему нужно. Его взгляд неотрывно следит за мной, в глазах горит тот же темный голод, который пылает и во мне.

Кончиком языка касаюсь его головки — легко и едва заметно. Дыхание срывается, я улыбаюсь, прижимаясь губами к его коже. Показываю, кто здесь главный. Его рука путается в моих волосах, но он не берет инициативу в свои руки. Позволяет мне решать, что будет дальше.

Беру его в рот, наслаждаясь каждым чувством. Нравится его отклик — как вздрагивает тело от малейшего движения, как содрогается, когда погружаюсь глубже. Задаю ритм, работая ртом. Пульс отдается на языке, чувствую, как он подрагивает. Стону, позволяя вибрациям пройти через меня. Пальцы сжимаются в моих волосах, подгоняя, но я не тороп-

люсь.

Чувствую, как он напрягается, сбавляю темп, отстраняюсь, оставляя только головку. Сосу мягко, вода языком по кругу, прежде чем отпустить с тихим щелчком. Выгибается, стон вырывается из горла.

— Давай, — умоляет он, голос густой от желания. Слышу в нем отчаяние, чувствую, как тело на грани, но я не готова сдаваться.

Смотрю на него снизу вверх, глаза блестят вызовом и озорством.

— Рано, — говорю игриво, но за этим скрывается что-то сильное. Обретенная власть или дикое желание, хочу этого контроля.

— Презерватив? — спрашиваю, в голосе вызов, почти приказ.

Он молча тянется к бумажнику на тумбочке и достает новый. Его обычный жест кажется невероятно интимным, как будто мы делимся чем-то важным, что не выразить словами. Я разрываю упаковку зубами, чувствую вкус фольги и медленно надеваю на него, наслаждаясь его нетерпением. Под моими пальцами — напряжение его мускулов, дрожь по телу. Он тихо шипит от удовольствия, впиваясь пальцами в простыню. Его взгляд темнеет.

— Теперь моя очередь, — говорю я. — Я буду сверху.

Он приподнимается, его глаза черные от страсти. Сильные руки хватают меня за бедра, притягивая к себе. Его гу-

бы жадно находят мои, и я отвечаю тем же. Медленно опускаюсь, оседлывая его. Ощущение, что я снова заполнена им, почти невыносимо, обжигает изнутри. Это больше, чем физика, больше, чем близость. Наши тела синхронизируются, задевая что-то глубоко внутри меня. Что-то, что я так отчаянно и долго искала.

Я начинаю двигаться в медленном ритме. С каждым движением во мне что-то отпускается — тугой узел, который я не могла развязать. Мое тело ждало именно этого: его прикосновений, этого пьянящего танца. Его руки скользят по мне, обнимают талию, касаются груди. Пальцы едва касаются сосков, и внутри все сжимается в сладком ожидании. Жар от его ладоней растекается по коже, будто он зажигает меня изнутри. Когда он наклоняется и его дыхание касается шеи, запах кожи и пота наполняет все вокруг. В голове стирается все, остается только чистое, острое ощущение.

Все это совершенно другое, не похожее на то, что было раньше: ближе, глубже, поглощающее. Я впускаю его по-настоящему, так, как никогда никого не впускала. Двигая бедрами, ища свою разрядку, я чувствую, как его потребность сталкивается с моей, как они переплетаются. Мы оба на краю пропасти, и ни один из нас не хочет падать первым.

— Ох... — простонал он, сжимая мои бедра и заставляя двигаться быстрее, резче. — Я больше не могу!

Я посмотрела ему в глаза. Тяжело дыша, я увидела в них решимость, которая не даст ему отступить.

— Давай же...

Его глаза вспыхивают чем-то твердым, почти первобытным. Одним плавным движением он переворачивает меня на спину. Я вскрикиваю от неожиданности, и эта новая поза вызывает ошеломляющий прилив удовольствия. Чувствовать его глубже, сильнее — это уже слишком. Все мысли растворяются, остается только он, ощущение полноты, животная потребность.

Он начинает двигаться — сильно, целеустремленно. Каждый толчок точно в цель, словно он нашел самую чувствительную точку. Я впиваюсь ногтями в его плечи, напряжение нарастает, подхватывает меня.

— Сильнее! Быстрее! — срывается мой голос.

Его ритм ускоряется, становится безумным. Я чувствую, как приближаюсь к краю. Его взгляд — дикий, голодный, в нем только желание. Он толкает меня к обрыву. Нет, мы толкаем друг друга вместе.

Напряжение нарастает, внутри меня все рвется на свободу. Еще несколько толчков — и меня накрывает волна. Тело сотрясает мощный разряд, крик вырывается сам собой, заполняя комнату. В этот момент его собственное освобождение сливается с моим, ослепительной вспышкой.

Мы падаем, бездыханные, в объятиях друг друга. Я слышу, как его сердце бьется ровно и уверенно у моей груди, а мое тело все еще дрожит.

— Это было... за гранью, — выдыхает он.

Я устало, но очень довольная улыбаюсь и шепчу: — Ага. Определенно. В тебе есть что-то такое... что меня просто с ума сводит.

Он тихо смеется, его рука нежно перебирает мои волосы, рассыпавшиеся по подушке.

— Рад, что ты так думаешь. Чувствую, для нас это не на один раз. Нам нужно будет повторить, и не единожды.

Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась. Не хочу, чтобы это ощущение проходило. Хочу посмотреть, куда это все нас заведет, позволить себе увлечься этим, что бы это ни было. Но сейчас голова слишком мутная, мысли разбегаются. Погружаясь в сон, я вдруг осознаю, что так и не спросила его имени.

Я проснулась внезапно, с тяжелой головой и хаосом в мыслях. Где я? Чья-то рука перекинута через меня. Потребовалась секунда, чтобы привести мысли в порядок. Всплыли обрывки прошлой ночи, и внутри все сжалось. Неужели я действительно?... Видимо, «Московский мул» оказался крепче, чем я ожидала. Или дело не в коктейле.

На часах 6:07. Сейчас будет неловко. Надо уходить, но тело не подчиняется. Разум твердит: тихо уходи, избегай разговоров. Но я не могу оторвать от него взгляд.

Во сне его лицо мягче, не такое суровое, как вчера. Даже так он невероятно красив. замечаю седину у висков, которую не замечала раньше. Ему это идет. Эта мысль заставляет ме-

ня задержаться. Узнать, что скрывается за этой маской.

Осторожно выбираюсь из-под его руки. Двигаюсь медленно, словно давая себе право побыть здесь чуть дольше. Собираю разбросанную одежду, стараясь не шуметь. Умываюсь холодной водой в ванной и смотрю в зеркало. Волосы растрепаны, тело ноет, но внутри — странное, настойчивое жужжание.

Его квартира очень аккуратная, куда чище, чем у меня. Взгляд падает на бумаги на столе. Могу оставить записку. Простое «спасибо». Без имени, без номера.

Так и тянет покопаться. Узнать, кто он на самом деле, но это слишком. Сдерживаюсь. Выхожу на цыпочках, почти бесшумно закрываю дверь.

Пока иду к выходу из подъезда, мысли путаются. Хочу ли я увидеть его снова? Я так не поступаю. Случайные связи не для меня. Мужчины сильно старше — тоже, даже если они притягательны.

Но между нами было что-то. Какая-то тяга, магнит. Не хочу уходить. Еще не хочу.

Это было больше, чем ночь. Он был больше, чем просто история. Он — тень в моих мыслях, от которой не так просто избавиться. И, если честно, я не уверена, что хочу, чтобы эта тень исчезла.

Выхожу на улицу. Холодный утренний воздух обжигает легкие. Город только просыпается. Кутаюсь в куртку, пытаюсь собраться с мыслями. Но мысли предательски возвраща-

ются в ту квартиру, к его теплу, к его рукам.

Подхожу к круглосуточному ларьку, покупаю воду и сигареты. Уже два года не курю, но сейчас мне просто нужно постоять. Руки дрожат, когда я закуриваю.

Что я делаю, Арина? Ты ведь не из тех, кто сбегает на расвете, и не из тех, кто остается. Но разве я сбежала полностью? Ушла, да, но мыслями все еще там. Оставила часть себя, которую сама не до конца понимаю. Ту, что отозвалась на него не только телом.

Возвращаюсь домой, как в тумане. Квартира встречает меня грудami коробок. Бросаю вещи на стул и падаю на диван, закрываю глаза, но вместо темноты вижу его взгляд. Тот самый, последний, перед тем, как все началось.

Тело снова отзывается глухой, сладкой болью. Провожу ладонью по животу, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

Нахожу телефон, включаю. Ни звонков, ни сообщений. Неудивительно, он не знает моего номера. А я так и не спросила, как его зовут. Шепотом произношу: «Незнакомец». Звучит холодно и пусто.

В голове звучит его хриплый голос: «Ты уверена?» Он не уговаривал, он проверял. В этом была какая-то честность. Никаких пустых слов, только желание и граница, которую можно не переступать.

Встаю с мыслью заняться коробками, но руки сами разворачивают воспоминания. Его тихий смех, дрожь пальцев, когда он касался моего лица, взгляд — не как на вещь, а как

на сообщницу.

К обеду мысли о нем становятся навязчивыми. Открываю ноутбук, но пальцы замирают. Вместо работы перед глазами — я, крадущаяся по его коридору на рассвете. Трусиха.

Меня душит злость на себя. Зачем я сбежала? Испугалась его или той себя, что способна на такие чувства?

Беру телефон, нахожу номер бармена Димы. Он же видел нас. Вдруг что-то знает? Но не звоню. Это выглядело бы жалко, почти как преследование.

Бросаю телефон. Не могу.

Вечером ноги сами ведут меня к «Каналу». Не заходя, стою через дорогу, смотрю на освещенные окна. Вдруг он там?

Чувствую себя глупо. Сердце колотится, но уйти не могу. Дверью бара выходит Дмитрий, чтобы покурить. Замечает меня, я отпрянула, но поздно. Смотрит в мою сторону, затягивается, кивает и уходит.

Как будто знак.

Переводя дух, перехожу дорогу. Захожу внутрь.

Все как прежде. Дмитрий за стойкой вытирает бокалы, видит меня и приподнимает бровь.

— Московский мул? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю твердо. — Жду его. Он будет?

Дмитрий задумывается, потом улыбается не по-рабочему.

— Сегодня нет. Приходит, когда ему нужно. Расписания нет.

— А если подождать? — спрашиваю, глядя в сторону.

— Жди. Мало ли.

Я остаюсь. Потому что однажды уже сбежала. Второй раз стыдно. А эта странная история заслуживает хотя бы попытки. Или хотя бы одного нормального разговора. Чтобы посмотреть ему в глаза и наконец спросить, как его зовут.

Глава 4

Артем

Просыпаюсь от резкого щелчка двери. Звук вырывает меня из сна, словно пробку из бутылки. Миг дезориентации — пустой взгляд в потолок, и вдруг — воспоминания обрушиваются, как лавина.

Постель рядом остыла. Пусто. Только на подушке едва уловимый цветочный запах — тонкий шлейф, заставивший сердце на миг сбиться с ритма. С силой растираю лицо ладонями, пытаюсь избавиться от остатков сна и этого хаоса.

— Идиот, — хрипло шепчу в пустоту, садясь на край кровати и опуская ноги на холодный пол.

В утреннем свете служебная квартира кажется еще более неудобной. Серое, казенное место, совсем не подходящее для субботнего пробуждения.

Пытаюсь восстановить в памяти события вчерашнего вечера. Бар, девчонка с пронзительным взглядом, который буквально пригвоздил меня к месту. Я вмешался, чтобы отшить назойливого парня, пока дело не дошло до конфликта. И это странное, почти пугающее притяжение, которое возникло между нами из ниоткуда... Еще один бокал, затем другой, и я потерял контроль.

Оглядываюсь и снова ругаюсь про себя. Мы в квартире, которую компания арендует для приезжих топ-менедже-

ров. Удобно, когда все приличные гостиницы заняты. Всё по стандарту: функционально, чисто, дорого, но безжизненно.

Не стоило приводить ее сюда, но это был самый близкий путь, к тому же я знал, что ключи у меня с собой. Будь на моем месте кто-то из подчиненных, я бы выгнал ее за такие нарушения, но я здесь главный, и ответить мне некому.

Кроме меня.

Взгляд падает на белый листок на тумбочке. Я беру его и разворачиваю.

«Спасибо за чудесную ночь! Может, еще пересечемся в том баре. А».

Смотрю на одинокую букву «А». И это всё, что осталось? Одна буква и целая лавина воспоминаний, которые я тщетно пытаюсь стереть.

Её уверенность, энергия... Почему я не могу выкинуть её из головы? Та дерзкая улыбка, блеск глаз, когда она смеялась...

Это совсем не в моём стиле. Крылов, ты ли это? Обычно я такого не допускаю. Контроль всегда был моим главным принципом. А тут...

Я уже поднимаю руку, чтобы выбросить мусор, но замираю. Медленно разжимаю пальцы, снова смотрю на листок. Перед глазами оживают образы вчерашнего вечера.

Все кажется нереальным. Зайти в случайный бар после безумной недели... Увидеть ее... Ощутить этот электрический разряд, который невозможно было проигнорировать.

Закрываю глаза на секунду. Когда наши взгляды пересекаются, плечи сами напрягаются. На мгновение, всего на мгновение, мне кажется, что она другая. А потом реальность возвращается, и эта ситуация кажется абсурдной.

Помню взгляд этой девушки, когда я вступился за нее. В зале будто остались только мы. Меня тянет к ней, пальцы подрагивают от желания прикоснуться. Этот внезапный порыв привел ее сюда, в серую коробку.

Осматриваю комнату: кожа, стекло, хром. Обычное жилье для командировочных. Совсем не место для таких романтических ночей.

Зачем я привел ее сюда?

— Думал не головой, а чем-то другим, — бормочу я себе под нос.

Растираю лицо, пытаюсь прийти в себя. Что я творю?

Иду в ванную в надежде, что ледяная вода отрезвит. Из зеркала на меня смотрит незнакомец: включенные волосы, красные глаза, помятый и злой вид. Выгляжу я ужасно.

— Хватит жаловаться. Соберись, Крылов, — говорю я себе, плеснув водой в лицо, но легче не становится.

Вопрос повис в воздухе: была ли это ошибка? Часть меня убеждает, что да, но глубокое сомнение не дает покоя. Этого не повторится. Я не допущу. Хватит приключений.

Я быстро собираю вещи, избегая смотреть на кровать. Уборка не входит в мои планы — пусть этим займется воскресная горничная, ей за это платят. Хватаю ключи и коше-

лек, почти выбегая из квартиры.

До парковки у офиса всего пара минут быстрым шагом. Машина приветливо мигнула фарами, когда я нажал на брелок. Усаживаюсь в глубокое кожаное кресло, чувствуя, как оно привычно обнимает мои метр девяносто с лишним. Запах дорогого салона возвращает контроль, что сейчас мне так необходимо.

Ровный гул мотора немного отвлекает, но мысли все равно возвращаются к вчерашнему вечеру. Кадры, четкие, как на пленке: бар, ее взгляд, моя рука, сама потянувшаяся, чтобы притянуть ее ближе.

Это не в моем стиле — терять контроль. Я так не поступаю. Справлюсь. Должен справиться. Я буквально заставляю себя вернуться к привычному, рациональному мышлению. Нельзя позволить этому влечению поглотить меня. Разберусь, как всегда. Просто погружусь в работу, сосредоточусь на делах. Все это химическое притяжение — просто случайность, сбой. Я не могу допустить, чтобы оно стало чем-то значимым.

И тут же — Дана. Вечная моя вина, непрощенная гостья в мыслях. Уже пять лет, как ее нет, а я все еще хожу по этой земле. После той аварии я возвел вокруг себя глухую стену. Жена умерла, и вместе с ней будто ушла способность чувствовать. Десять лет я жил в пустоте, как в выжженной пустыне. Никого не подпускал ближе, чем на расстояние выстрела. Эта мысль, как пощечина, возвращалась снова и сно-

ва, но я отбрасывал ее прочь. Не сейчас. Не сегодня.

Я внимательно смотрю на дорогу, заставляя себя сосредоточиться. Скоро я доеду до своего пентхауса и проверю, как идет ремонт в комплексе. Прошло три года с момента покупки, а модернизацию систем безопасности нужно было завершить еще вчера. Это единственное, на чем я могу сосредоточиться сейчас. Это то, что я могу контролировать.

Ремонт — это просто: новые камеры, хорошее освещение в паркинге, современная пожарная автоматика. Я требовал, чтобы все было не просто "по нормам", а на порядок лучше. Я хорошо понимал важность безопасности инвестиций. Перебирая в уме технические детали, я заметил, что слишком сжал руль. Это плохая уловка, но она работает: мысли о цифрах и схемах помогают мне сосредоточиться.

Внутренний голос, отвечающий за порядок, настойчиво советовал заглянуть в пост охраны перед тем, как подняться в пентхаус. Но пентхаус манил сильнее. Там ждали уединение, горячий душ и знакомая тишина. В отличие от ночного эмоционального хаоса, там было что-то надежное.

Я тряхнул головой. Это был случайный сбой, который больше не повторится.

Телефон звонит. На экране — «Рома». Это единственный человек, который знает обо мне слишком много. Включая громкую связь и останавливаюсь у обочины — почти добрался до комплекса, не хотелось, чтобы связь прервалась в подземном паркинге.

— Артем, уже утро для субботы, — голос Ромы звучит легко и бодро. — Я Сашу на плавание везу. Думал, еще спишь. Суббота же, у суперпап даже на смс времени нет.

— Еду домой, — коротко отвечаю, не сводя глаз с дороги.

— Ну, ну, не злись. Завтра на великах встречаемся? Прошлые выходные упустили.

— Встречаемся, едем, — соглашаюсь, чувствуя, как побелели костяшки на руле.

Рома — мой давний друг. Мы такие разные, что я порой удивляюсь, как мы вообще ладим.

— Отлично, — Рома делает паузу и меняет тон. — Как вечер пятницы прошел?

Я резко вздыхаю. Это не тот разговор, к которому я готовился.

— Ну... зашел в бар, — начинаю я, стараясь говорить спокойно. — Встретил знакомую.

На другом конце трубки повисла тишина.

— Что? Ты реально выбрался в бар? И с кем-то познакомился? Кто это?

— Это была разовая акция, — рычу я, ругая себя за длинный язык.

Рома тяжело вздыхает.

— Артем, это круто! Неожиданно, конечно. Но ты столько лет сидел в своей раковине. Хорошо слышать, что ты снова выходишь к людям.

Меня охватывает неловкость.

— Это не то, что ты думаешь... — начинаю я, но Рома перебивает.

— Знаю. «Разовая акция», но это прогресс. Тебе можно просто пожить.

Я хмурюсь, чувствуя раздражение. Хорошо, что я сдержался.

— Ладно, Ром, давай, — бурчу я.

— Все, не кипятись, — чувствую его улыбку. — Просто не копай себе яму. Я рад, что ты возвращаешься в мир.

Меня передергивает от этой фразы.

— Это не...

— Ладно, мне пора. Мы у бассейна. Ты только сейчас домой едешь? Завтра созвонимся!

Рома бросает трубку. Его слова звенят в голове, пока я выезжаю на дорогу. «В мир живых». Словно до этого я был мертв. Красиво сказано, но было ли в этом вчерашнем безумии что-то живое? Или это просто агония старых чувств?

Мотаю головой, прогоняя эти мысли. Нет, это была ошибка. Сбой в налаженной системе. Больше такого не повторится, обещаю себе.

Паркуюсь в своем месте на закрытой стоянке. Мотор затихает, оставляя меня в тишине. Сажу несколько минут, вцепившись в руль, стараясь выгнать из головы ее образ. Самое трудное — признать, что вечер мне понравился. Но тут же обрываю себя: один раз — и хватит.

Вместо того чтобы сразу подняться в пентхаус, нажимаю

кнопку «Зал». Решаю проверить, как идет ремонт. Хороший владелец всегда в курсе дел, верно? А я — воплощение ответственности. Вчерашний порыв... ну, оставим его в прошлом.

Лифт плавно трогается. Я расправляю плечи, стараясь сбросить напряжение. Работа, контроль, цифры — это то, что я умею. Я почти готов выйти, когда в кабину заходит женщина. Воздух в моих легких словно застывает.

Это была она. Та самая, «А». Осознание бьет меня под дых, и я чуть не теряю равновесие. Я замираю, не зная, как себя вести. Она же меня даже не замечает, уткнувшись в телефон и машинально нажав кнопку — десятый этаж, прямо подо мной. Пульс начинает бешено стучать в висках. Лифт становится крошечным, а пространство — слишком тесным. Я чувствую ее запах, тот самый, с подушки.

Я прочищаю горло и произношу стандартное приветствие:

— Доброе утро.

Она не реагирует. Затем медленно поднимает голову, её взгляд скользит по мне равнодушно, почти мимоходом, и возвращается к дверям. Внутри меня все холодеет: неужели она меня не узнала? На мгновение я чувствую облегчение, но сразу же — укол разочарования. С чего бы мне обижаться? Я ведь сам хотел, чтобы эта история осталась в прошлом! Но моё эго и тело явно были другого мнения.

Нужно было промолчать, позволить ей уйти и забыть об

этом. Но язык опережает мысли.

— Наверх? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она рассеянно. — Мне на десятый.

Она живёт здесь? В моём доме? Земля уходит из-под ног. От этого не сбежать.

Я стараюсь сохранять спокойствие, хотя внутри всё бурлит.

— Десятый, ясно, — говорю я, возвращаясь к официальному тону. — Артём Крылов.

Я протягиваю ей руку. На мгновение она колеблется, и мне кажется, что она сейчас отвернётся. Но нет. Она смотрит на меня, и я вижу это — вспышку узнавания. Её зрачки расширяются, на щеках появляется густой румянец.

Она осторожно касается моей ладони и тут же отступает, прижимаясь к стене лифта.

— Артём... — шепчет она. — Ох. Боже. Тот самый... из бара?

Я хмурюсь.

— Что вы сказали? Меня зовут Артём, — говорю я. — Я владелец этого комплекса и председатель совета директоров «Речных Садов».

— Ой, нет... извините. Это я так... про себя, — она смущённо улыбается.

Она замолчала, судорожно сжав ремешок сумки. Лифт тихо гудел, отсчитывая этажи, а я чувствовал себя полным дураком. Вчерашняя ночь казалась чем-то из другой реально-

сти...

Она больше не смотрела на меня. Уставилась в зеркальные двери, словно стараясь не дышать в мою сторону. Тишина стала тяжелой, почти осязаемой. Это было не просто неловкое молчание — это был холодный, неприятный факт: мы оба не знали, что теперь делать с этой информацией.

Глава 5

Арина

Захожу в квартиру, привалившись к двери, и хмыкаю. Так вот он, оказывается, владелец этого места. Ситуация кажется абсурдной, словно из анекдота, если бы не смущение.

Вспомнила, как он стоял в лифте. Его челюсти были сжаты так, будто он мог перекусить стальную арматуру. На мгновение его голубые глаза вспыхнули — то ли от смущения, то ли от злости, — и он тут же отвернулся. Настоящий обитатель своей ракушки. Ладно, секс на одну ночь — это нормально, но чтобы этот человек владел всем домом...

Это уже слишком.

Я коротко смеюсь. Неловко? Да, капец как. Но при этом еще и ужасно забавно. Ладно, теперь я хотя бы знаю, как его зовут.

Кидаю сумку на пол, падаю на диван и выуживаю телефон. Артем Крылов. Гугл, не подведи.

Результаты посыпались пачками: строгие костюмы, галстуки, лицо — такое, что об скулы порезаться можно. Вот он, миллионер, акула недвижимости, инвестор, гений, империя под названием «Крест». Поразительно. Я сплю в доме человека, который будто бы контролирует полгорода.

Пролистываю дальше. И тут — вот это да! Интернет сегодня щедр на сюрпризы.

Это уже не суровый дядька из Москвы в дорогом костюме, а красивый парень: совсем молодой, с улыбкой до ушей, которая слепит.

Те же голубые глаза, но без прищура, без злости. Улыбка на миллион. Тёмные волосы, мокрые, прилипшие ко лбу — как будто только что из воды. А тело? Боже... Загар, мышцы играют, когда он наклоняется над доской. Подпись: «Чемпион по сёрфингу. Большую часть карьеры провёл на зарубежных спотах — в Португалии, Испании, Индонезии». Это невероятно. Даже через экран телефона пробирает.

И этот пляжный бог скрывается под маской угрюмого затворника в пентхаусе?

Моргаю, зажмуриваюсь. Он все еще там — неприлично горячий. Сжимаю бедра, пытаюсь остановить реакцию тела. Не вовремя. Значит, прошлой ночью я была с этим... телом? Теперь ясно, почему меня так шатало.

Кликаю на ссылку про жену. Дана. Тоже серфер. Была... Погибла в море. Несчастный случай. Заголовки расплываются перед глазами: «Дикая волна», «Трагедия», «Травма», «Вина». Он видел все своими глазами. Как она умирает.

В груди что-то неприятно кольнуло. Странная боль, словно за родного человека.

Дальше — патенты, изобретения, продажа бизнеса и переезд в Москву. Подальше от моря. Побег от воспоминаний?

Внезапно его хмурость перестала казаться такой уж беспричинной.

У него скверный характер. Он словно носит броню, скафандр, защищающий от боли.

Но нет, жалость здесь неуместна. Миллионер, трагическая судьба, стальной характер — всё это не имеет значения. Он остаётся тем же угрюмым мужчиной, который значительно старше меня и, к тому же, мой арендодатель.

Закрываю все вкладки, стираю фотографии, заголовки, все эти привлекательные снимки с Артёмом Крыловым. Будь он пляжным богом или суровым начальником — неважно. Вчерашняя ночь была ошибкой. Сбоем в системе. Стресс из-за переезда. Он всего лишь человек, который владеет этим зданием. И точка.

Пора вернуться в реальность.

Я усмехаюсь и качаю головой. История с «миллионером-владельцем здания» официально завершена. Нужно перезагрузиться. Хорошо, что суббота расписана: жду вас, девочки из «Отряда Солнца».

Выгоняю из головы хмурого парня. Встаю с дивана и иду за ковриком. Беру свой любимый фиолетовый — такой яркий, что заряжаешься от одного взгляда. Подхожу к большому окну. Это мое место. Здесь я нахожу баланс.

Я никогда не планировала становиться фитнес-инструктором или инфлюенсером. Но 2020 год изменил все. Из-за ковида я оказалась заперта в четырех стенах и медленно теряла рассудок от одиночества. Тогда я начала проводить онлайн-тренировки, чтобы не сойти с ума.

Деньги меня не волновали. Это была своего рода психотерапия: прыгаешь перед камерой и ни о чем не думаешь. Но люди, похоже, находили в этом что-то для себя. Они писали, что моя энергия словно заряжает их, как солнце в пасмурное утро.

Так и появился мой «Отряд Солнца» — онлайн-тренировки, которые со временем стали моей работой.

Я вздыхаю и расстилаю коврик на полу. Вначале Глеб, мой бывший, даже поддерживал меня. Мы тогда жили вместе, и он считал мои эфиры забавными, вроде милого хобби. Иногда подшучивал, что скоро я стану интернет-звездой.

Чем больше у меня становилось подписчиков, тем сильнее это задевало его. Моя уверенность росла, и это начинало его раздражать. Ему не нравилось, что меня хвалят чужие, что мне пишут благодарности за помощь в трудные времена. Он хотел, чтобы всё моё время, да что уж там, и я принадлежали только ему. Когда он понял, что я изменилась и больше не «комнатное растение», ревность и придирки стали постоянными. Мелкие разногласия переросли в крупные конфликты, и наши отношения рухнули до такой степени, что восстановить их уже не представлялось возможным.

Три недели назад я закончила отношения. Собрала вещи и переехала. Неделью жила у Лерки, моей старой подруги, а потом быстро нашла новое место. Теперь я здесь, в «Речных Садах». Это жилой комплекс, где всё продумано до мелочей: от камер в лифте до абсолютной тишины в коридорах. Сразу

чувствуешь, что здесь всё под контролем.

Мой «Отряд» помогает мне платить за аренду. Пусть пока не все идеально, но это мое место.

Я работаю в «Кванте». Сразу после университета я пришла в это агентство, в то время как мои друзья только отправляли резюме. Всё это стало возможным благодаря «Отряду Солнца», где я научилась управлять соцсетями, выстраивать отношения с аудиторией и создавать личный бренд. Эти навыки помогли мне получить работу без лишних вопросов.

Теперь я разрабатываю кампании, которые приносят клиентам прибыль.

Ставлю телефон на штатив и выбираю ракурс. Подключаю ноутбук к монитору. Коврик на месте, вид из окна впечатляет. В Zoom уже светятся окна моих друзей, в соцсетях тоже началась трансляция. Включаю энергичный поп-трек — ритм пульсирует в висках, и я захожу в поток. Улыбаюсь в камеру, музыка окончательно прогоняет мысли о хмуром парне.

— Привет, «Отряд Солнца»! Начинаем! — кричу я, взмахивая руками. — Глубокий вдох. Тянемся к солнцу, даже если оно сегодня только в наших мыслях.

Я меняю позы, ощущая энергию каждого движения. В Зуме кто-то еще в пижаме, кто-то уже бодр. Мы становимся единым целым.

— Пресс, ребята! — подбадриваю я. — Чувствуете, как

просыпаются мышцы? Отлично!

Они не могут ответить или поставить эмодзи, но я вижу их улыбки и поднятые большие пальцы в маленьких окошках. Это бодрит лучше любого кофе.

— Держимся, вдох! Жжет? Значит, растем! Так и живется! — смеюсь я, ощущая, как тело наполняется энергией. — И не забывайте улыбаться. Мы живы, сильны, и у нас все получится.

Я замираю в позе воина и погружаюсь в глубокую растяжку. Это мое любимое — этот драйв, эта связь через экран. Здесь моя сила. «Отряд Солнца» — мой якорь, который поддерживает меня в любой ситуации.

Занятие заканчивается на пике эмоций, я улыбаюсь до ушей.

— На сегодня отбой, «Отряд Солнца»! — взволнованно машу в камеру, чуть не сбивая штатив. — Вы сегодня — настоящие герои! Горжусь каждым из вас. Не забудьте пить водичку, много двигаться и наслаждаться субботним солнцем. До встречи на следующей неделе!

Нажимаю «Остановить запись». Тело еще гудит, по венам разливается коктейль из эндорфинов и усталости. Ради этого чувства, наверное, и встаю по утрам.

Только потянулась за полотенцем, как телефон на штативе коротко вибрирует. Пришло новое письмо.

«Управляющая компания "Речные Сады"?» В субботу утром? Рановато для квитанций.

Пробегаю глазами по тексту и застываю. «Превышение допустимого уровня шума», «жалобы соседей», «просьба соблюдать тишину в утренние часы». Что за ерунда? Тон письма сухой, официальный и какой-то колючий. Совсем не в стиле Бориса, нашего добродушного управдома, который при заселении чуть ли не обниматься лез. Это письмо пахнет дорогим парфюмом, холодным офисом и...

Я медленно расплываюсь в улыбке. Это не Борис. Это хмурый Артем.

Не могу сдержаться и тихо смеюсь, закатив глаза. Как быстро наш миллионер превратился в инспектора по тишине! Теперь ясно: Борис говорил, что владелец живет в пентхаусе, а тренажерный зал находится прямо под его спальней или кабинетом. Похоже, сегодня я устроила ему субботний завтрак своими прыжками под музыку.

В «Речных Садах» говорят, что владелец читает все обращения не для работы, а чтобы следить за жильцами. Иногда он отвечает лично. Звучит странно, но проверим. Ну что ж, Артем Крылов, если ты хочешь быть строгим арендодателем, я принимаю вызов. Улыбчивая девушка против угрюмого парня. Будет интересно.

Пальцы быстро бегают по клавиатуре, набирая ответ. Внутри меня просыпается азарт.

Кому: Управляющая компания «Речные Сады»

Тема: RE: Уведомление о нарушении тишины (кв. 1005)

«Уважаемая администрация!»

Благодарю за бдительность. Замечание принято к сведению и глубоко проанализировано.

Чтобы избежать недоразумений и сохранить спокойную обстановку во время моих онлайн-занятий, предлагаю официально утвердить график моих тренировок. Например, с 10:00 до 20:00 в будни и с 11:00 до 19:00 в выходные. Эти занятия направлены на улучшение здоровья и укрепление ментального благополучия жильцов.

В знак доброй воли и для создания позитивной атмосферы в доме, я готова предоставить всем сотрудникам управления и владельцу комплекса бесплатный доступ к моим записям. Уверена, что утренние практики помогут расслабиться, улучшить настроение и взглянуть на мир более оптимистично.

*С уважением и солнечным теплом,
Арина Волкова,
квартира 1005»*

Жму «Отправить». Меня передёргивает. Я представляю его лицо. Он сидит в стерильном пентхаусе, проверяет почту. И тут — на тебе! Его брови сходятся на переносице, ледяные глаза сужаются.

Я фыркнула. В груди разливается острое чувство удовлетворения. Усталость после тренировки отступает.

Игра началась, господин Крылов. Начинаю «войнушку» с собственником. Откидываюсь на подушки дивана. На лице появляется улыбка. Посмотрим, какой ход сделает этот

угрюмый магнат.

Глава 6

Я сильнее жму на педали, чувствуя, как в мышцах ног начинает ныть знакомая тяжесть. Мы с Ромкой несёмся по дорожкам парка, залитым мягким светом воскресного утра. Город ещё толком не проснулся: воздух чистый, свежий, почти прозрачный.

— Слушай, ну так что там с твоей пятницей? — голос Ромы в наушнике звучит ехидно. Я кожей чувствую, как он там, сзади, ухмыляется.

Мирный ритм поездки — коту под хвост. Мышцы мгновенно каменеют.

— Забей, Рома, — рычу я, наклоняясь ниже к рулю и прибавляя скорость.

Он не отстаёт, вкручивает педали ещё сильнее, чтобы не отстать.

— Да ладно тебе, Тем. Ты лет десять никого к себе не подпускал. Расколись уже, что за девчонка?

Я стискиваю зубы, концентрируюсь только на асфальте впереди.

— Нечем тут делиться, — отрезаю я, ещё больше ускоряясь. — Сбой в системе, глупая ошибка — и точка.

Ромка смеётся, уже с трудом выдерживая мой темп.

— «Сбой», говоришь? Мощный, видать, сбой, раз ты после него только утром домой появился. Где тебя носило?

Я просто молчу. Шуршание покрышек по асфальту на время заглушает разговор, но любопытство Ромы — штука неумолимая. Он всё равно заходит на новый круг.

— И что в ней такого особенного? — не унимается он. — Я же тебя знаю: на обычную внешность ты бы не купился.

В голове тут же всплывает лицо Арины. Эти глаза — слишком яркие, слишком живые. Её улыбка, эта бешеная энергия. Я с силой отпихиваю эту мысль. Кто она такая? Жилец, просто наглый жилец. Та самая, которая врубает музыку среди ночи и строчит издевательские письма. Нарушительница спокойствия. Головная боль.

— Рома, — мой голос звучит так, что любому нормальному человеку стало бы не по себе, — отвяжись.

Ромка в шутку поднимает одну руку — мол, сдаюсь.

— Ладно, ладно. Просто... я правда рад, что ты хоть немного оттаял.

Я только фыркаю в ответ.

— Оттаял? Это была ошибка. Глупость, которую я больше не повторю.

Вздых Ромы почти теряется в свисте ветра.

— Ну, как скажешь, Артём.

Оставшуюся часть пути мы едем молча. Я держу такой темп, чтобы у него просто не хватало дыхания на разговоры. Но его слова всё равно крутятся в голове — незванные и едкие. Как и воспоминания о ней: мягкая кожа, цветочный запах, который, кажется, навсегда въелся в мои мысли.

На финише мы разъезжаемся. Он — к своей идеальной семье, я — к себе.

Мне нужно немедленно спрятаться в своём пентхаусе. Спрятаться от всех. Не в комнате, а в клетке собственного изготовления, где стены сложены из равнодушия, а решётку образуют холодные, безошибочные цифры. Чтобы ничто живое и требующее отклика не могло прорваться внутрь.

Шагаю к лифту. Сейчас ещё рано, воскресенье — идеальное время, чтобы проскочить незамеченным. Одна быстрая поездка наверх — и я снова закроюсь в работе, сброшу это дурацкое напряжение. Забуду про надоедливую друга и уж точно забуду про ту, чьё тело так правильно извивалось подо мной ещё пару ночей назад.

Двери открываются с тихим звоном. Я шагаю внутрь, предвкушая тишину своей квартиры, подальше от...

— Ой, доброе утро, Артём, — резко вскидываю голову. Прямо за мной стоит Арина. Сумка через плечо, в руках какая-то коробочка, щёки горят, а каштановые волосы в полнейшем беспорядке.

От моих планов на тихое утро не остаётся и следа. Я был в секунде от того, чтобы скрыться в пентхаусе, но не успел. Приходится скупно кивнуть. Челюсть сама собой сжалась аж до боли. Мы заходим в кабину, двери закрываются — и пространство вокруг мгновенно становится тесным, почти душным.

— Вам в зал или наверх? — спрашивает она, лучезарно

улыбаясь.

— Наверх. Десятый? — я нажимаю кнопку за неё, даже не дождавшись ответа.

Её запах тут же заполняет кабину: свежесть, цветы и этот едва уловимый аромат разгорячённого тела после какой-то нагрузки — она явно тоже не прохлаждалась. Этого достаточно, чтобы весь мой хваленый самоконтроль дал трещину. Я таращусь на светящиеся цифры этажей, мысленно заклинаю их двигаться быстрее.

— Чудесный день, правда? — Арина, кажется, совершенно не смущается от моего угрюмого молчания.

— Не могу не согласиться, — бурчу я, не поворачивая головы.

Краем глаза замечаю, как по её лицу скользит тень разочарования. Отлично. Может, хоть сейчас она поймёт, что я не настроен на светские беседы, и оставит меня в покое.

Но не тут-то было.

— Обожаю наш район по воскресеньям, — продолжает она своим звонким, светлым голосом. — Так тихо, спокойно. Вы не находите?

— Я обычно занят, чтобы что-то находить, — бормочу я, скрещивая руки на груди.

Я кожей чувствую, что она меня дразнит. То письмо прошум явно раззадорило её. Я едва сдерживаю ухмылку, вспоминая её дерзкий ответ.

Лифт ползёт невыносимо медленно. Я остро, до кончиков

пальцев, ощущаю её присутствие рядом. Слышу, как она тихо дышит, вижу, как стоит беспокойно, переминаясь с ноги на ногу, — но больше всего чувствуется её напряжение. Оно давит на меня так сильно, будто вот-вот сломает всё, что я внутри себя построил.

Я из последних сил борюсь с желанием посмотреть на неё. Вспомнить, как её тело отзывалось на мои прикосновения, какая у неё тёплая и нежная кожа.

Арина перехватывает коробку поудобнее — и та случайно задевает её грудь. И всё. В памяти мгновенно вспыхивает ощущение её тяжёлой, горячей груди в моих ладонях. Её стон. То, как она выгибалась навстречу...

Она продолжает что-то щебетать, даже не подозревая, какую бурю во мне вызывает.

— Надеюсь, вы хоть немного отдохнёте сегодня. Выходные ведь для того и созданы, чтобы расслабляться, верно?

Я что-то невнятно мычу в ответ, молясь про себя, чтобы она просто замолчала.

Секунды в лифте тянутся бесконечно. Арина постукивает носком кроссовки по полу, и этот ритм разрывает мне нервы. Я стискиваю зубы, в ушах звенит. Почему я не вызвал грузовой лифт?

— Говорят, всю неделю будет отличная погода, — не унимается она. — Планируете ещё прогулки?

— Работа, — резко отвечаю я, теряя терпение.

Кабина кажется всё теснее. Образ Арины заполняет всё

моё сознание: её цветочный запах, тепло, её голос, её изгибы. Я вспоминаю моменты, которые хочу забыть: её тихие стоны под моим телом.

Я вцепляюсь в поручень, костяшки белеют. Кровь приливает к низу живота, и я тихо ругаюсь. Она стоит ко мне почти спиной, и это хорошо.

Я смотрю на зеркальные створки дверей, избегая её взгляда. Но её отражение дразнит меня: растрёпанные волосы, разругавшиеся щёки.

Я сжимаю кулаки, впинаясь ногтями в ладони. Боль возвращает меня к реальности. Мне нужно расстояние. Как можно дальше от неё, прежде чем я совершу глупость.

Лифт звякает, подъезжая к её этажу. Двери открываются, и я вижу, как в её глазах что-то гаснет. Её «солнце» скрывается за тучами, уступая место пустой улыбке.

— Хорошего дня, Артём, — тихо говорит она, не глядя на меня.

Я бормочу что-то в ответ, глядя на панель управления. Двери закрываются, и я остаюсь один. Наконец-то то самое уединение, о котором мечтал все утро.

Лифт продолжает подниматься. Я выдыхаю и медленно разжимаю кулаки.

Сильно мотаю головой, пытаюсь выбросить её из мыслей. Работа. Нужно сосредоточиться. На чём угодно, только не на девушке, которая только что вышла. Её дурацкая жизнерадостность всё ещё витает в воздухе, несмотря на мой холод.

Лифт приезжает в пентхаус. Выхожу и сразу намечаю план: ледяной душ, проверить почту, заняться документами. Что угодно, лишь бы вернуть контроль над собой и задвинуть Арину обратно в категорию «просто жилец». Там ей и место.

В ванной резко кручу ручку душа до упора. Вода обрушивается на плечи ледяными иглами. Вздрагиваю, дыхание перехватывает. Это шок-терапия: нужно потушить пожар внутри.

Ледяная вода не приносит облегчения. Наоборот, она лишь усиливает чувства. Каждый нерв словно обнажён. В паху по-прежнему ноет, тяжёлая горячая кровь пульсирует, требуя разрядки, требуя её.

— Чёрт... — с силой бью кулаком по стене.

Ярость сливается с возбуждением. Это не должно было так подействовать! Холодная вода должна была остудить жар, а не разжечь его ещё сильнее.

Схватив мыло, я начинаю тереть кожу, пытаюсь стереть воспоминания о её прикосновениях. Но перед глазами — только она: мягкие руки, дразнящая улыбка, искры в зелёных глазах, когда она смотрела на меня той ночью. От этих воспоминаний грудь сдавливает так, что трудно дышать.

Я не собираюсь сдаваться. Ещё нет. Боль от неудовлетворённого желания становится извращённым способом вернуть контроль.

— Арина... — её имя слетает с губ хриплым шёпотом.

Я зажимаюсь, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую узел. Начинаю медленнее, почти сводя себя с ума этой пыткой. Тело дрожит, я на грани, но снова заставляю себя остановиться. Не допущу, чтобы это случилось. Не сейчас.

Выключаю воду и прислоняюсь лбом к холодной стене. Дышу тяжело, пытаюсь успокоиться.

Огонь внутри не утихает. Я всё ещё хочу её — до боли, до безумия. Но не могу позволить этому продолжаться. Я годами выстраивал эти стены. Она — просто жилец. Помеха. Досадная случайность, которую я теперь буду избегать любой ценой.

Хватаю полотенце и грубо вытираюсь, твердя себе, что с этим все кончено. Похороню эти чувства. Арина станет просто именем в договоре аренды. Сохраняю профессиональную дистанцию и жёсткие границы.

Чувствую, что напряжение подобно натянутой нити, готовой вот-вот лопнуть. Приказываю себе отпустить это, но какая-то часть меня сопротивляется.

Это ещё не финал. Теперь это битва между моим контролем и первобытным влечением, которое она во мне пробудила. И я не уверен, чью сторону выбрать.

Глава 7

Арина

Звук из ванной начал раздражать еще ночью. Эта монотонная капель, которую в тишине пустой квартиры слышно отчетливее, чем перфоратор у соседей, действовала на нервы. Я стоял и смотрел на хромированный кран.

Кап. Пауза. Кап.

Казалось, крошечный водяной метроном отсчитывает секунды моего терпения. За неделю этот «дождь» стал громче. Пора нашей управляющей компании узнать, что в элитном комплексе не все идеально.

Я открыла приложение почты на телефоне. Люблю современные технологии за их удобство: теперь можно подать жалобу, не вставая с дивана.

Кому: rechnye_sady@service.ru

Тема: Протекает кран, кв. 1005

Смотрю на тему письма. Она слишком формальная и скучная. Нужно добавить немного живости, чтобы человек, который это прочитает, хотя бы на мгновение улыбнулся. Хочется начать так: «Мой кран решил, что он водопад, помогите!» — но вовремя останавливаю себя. Это перебор. Оставим тему без изменений, а вот внутри...

«Уважаемая управляющая компания!

Надеюсь, ваше утро бодрее моего.

У меня есть небольшая, но назойливая проблема: кран в ванной комнате капает. Пока это не сильный потоп, но капли идут непрерывно, и счетчик воды, наверное, уже «на пределе».

Буду благодарна, если мастер сможет зайти ко мне, когда будет время. Хотя спешки нет, если только кран не готовится к «водному мятелю».

Заранее спасибо!

С уважением, Арина (квартира 1005)».

Перечитываю письмо. Оно написано игриво и по-доброму, и суть его понятна. Отлично. Нажимаю «отправить» и с удовольствием откидываюсь на спинку дивана. Интересно, дрогнет ли хоть один мускул на лице Артема, когда он это прочтет? Сильно сомневаюсь, но надежда умирает последней.

Через мгновение приходит ответ. В УК «Речные Сады» работают либо роботы, либо очень ответственные люди. Открываю письмо, надеясь увидеть хоть каплю дружелюбия или хотя бы стандартное «примем меры».

Письмо было коротким. Нет, оно было безжалостно лаконичным.

Тема: RE: Протекает кран, кв. 1005

Текст: «Арина, добрый день.

Заявку передал в диспетчерскую. Мастер подойдет завтра, 09:00–11:00. А. Крылов».

И это всё? Правда? Ни «Здравствуйте, Арина», ни «Спа-

сибо за информацию»? Просто сухая констатация факта. Кажется, я не человек, а неисправный датчик в системе — просто нужно откалибровать.

Смотрю в экран и не могу сдержать улыбку. Он проигнорировал всё: мой юмор, настрой, даже намёк на то, что мы знакомы. Вся моя «солнечность» разбилась о ледяную стену его профессионализма.

Это впечатляет. Нужно иметь особый талант, чтобы быть настолько... безэмоциональным. Будто у человека аллергия на любые проявления человеческих эмоций.

Я тихо рассмеялась. Ладно, хмурый парень, вызов принят. Хочешь играть в строго деловые отношения всегда и везде? Пожалуйста. Я тоже могу изменить правила.

Прошел час. Я уже успел забыть о кране, погрузившись в планирование новых тренировок. Внезапно телефон снова пискнул. Очередное письмо? Что там еще?

Открываю сообщение...

Тема: Уведомление жильцу: Нарушение регламента — квартира 1005

«Жильцу квартиры 1005».

Ну надо же, какая честь. Теперь я просто «Жилец». Ни имени, ни «здравствуйте».

«Арина, добрый день.

Управлению дома стало известно, что коврик для йоги в настоящее время находится в прихожей непосредственно у

входа в квартиру 1005. Это является прямым нарушением Пункта 3.7а Правил проживания, запрещающего хранение личных вещей в общих зонах, включая коридоры и межквартирные пространства.

Мой коврик? Вы серьезно? Он почти в квартире! Бросаю взгляд в прихожую. Коврик стоит у порога, прижавшись к стене. Чтобы его увидеть, нужно было либо искать специально, либо стоять прямо у двери.

Просим вас немедленно убрать коврик для йоги и держать его только в квартире. Повторное нарушение пункта 3.7а приведет к мерам, указанным в договоре аренды.

А. Крылов.

Перечитываю снова. Это шутка? Коврик для йоги? На этом он решил строить конфликт?

На кран мы «запланировали обслуживание», а на коврик, который едва замечен в коридоре, мы выкатываем официальное обвинение.

Это уже не занудство, а что-то большее. Артем явно метит в «Самые душные владельцы столетия». Его стиль! «Вышеупомянутый коврик», «несоблюдение», «незамедлительно убрать». Такое чувство, будто я живу в комедии про бюрократов.

Я качаю головой, невольно улыбаясь. Артем невероятен. Признаться честно, он меня даже... цепляет. Зачем тратить время на письма о коврике, который почти никому не мешает? Очень странный человек.

Телефон снова вибрирует. Я жду продолжения «ковриковых войн», но вижу неизвестный номер. Открываю сообщение, и улыбка исчезает.

«Привет, Арин, это Глеб. Номер сменил. Слушай, я знаю, что вел себя, как последний козел. Скучаю ужасно. Можем поговорить? Прости меня за все. Пожалуйста».

Горло сжимает так, что вдох застревает на середине. Прошел почти месяц с расставания, но одно его имя всколыхнуло все, что я так старательно хоронила: вину, тоску, тень надежды. Я смотрю на экран и не могу поверить, что простой текст так сильно меня задел.

Выдыхаю и на секунду откладываю телефон. Ребра сжимает, как будто я снова в той квартире — знакомая тоска по привычному, по человеку, который знал меня годами, но... Ведь я начала новую жизнь, правда?

Рука тянется к телефону. Пальцы словно живут своей жизнью — набираю его номер. Может, мне просто нужно закрыть эту главу? Услышать его извинения? Хочу ли я его вернуть? Или просто поставить точку?

Трубка отвечает после второго гудка.

— Арина?

Этот голос. Тот, от которого я когда-то успокаивалась, под который засыпала сотни раз. Теперь он звучит робко, с надломленной надеждой, застигая меня врасплох.

— Да, это я, — отвечаю тише, чем собиралась. — Ты хотел поговорить?

Его дыхание в трубке кажется шумным. Я чувствую, как он нервничает.

— Я знаю, все закончилось ужасно. Я должен был быть лучше. Я... я скучаю, Ариш. Прости меня. Вёл себя как последний идиот. Можем встретиться? Попробуем поговорить нормально? Наладить все?

Я молчу. Слышу его тяжелое, прерывистое дыхание. Он ждет, затаив дыхание, надеясь, что я дам ему шанс.

Закрываю глаза, пытаюсь избавиться от воспоминаний. Редкие хорошие моменты и бесконечные вечера смешиваются. Прошное цепко держит, не отпускает. Одна часть меня кричит «нет», хочет поставить точку. Другая, маленькая и слабая, шепчет: «Может, на этот раз он все понял?»

Пальцы до боли сжимают телефон.

— Почему именно сейчас, Глеб? — спрашиваю, стараюсь звучать холодно, но голос предательски дрожит. — Что должно измениться?

— Я все обдумал, — торопливо говорит он, почти задышавшись. — Понял, сколько глупостей наделал. Не хочу быть тем идиотом, Ариш. Просто... я не могу без тебя. Давай попробуем еще раз? Хотя бы один.

Я кусаю губу, борясь с его словами. Но у меня же новая жизнь! Я только начала дышать полной грудью!

— Почему сейчас? — повторяю я, не обращая внимания на его мольбы. Что изменится?

Он вздыхает, в его голосе звучит знакомая настойчивость.

— Я не говорю о свадьбе завтра. Я знаю, что поступил неправильно, но разве мы не заслуживаем еще одного шанса? Нам ведь было хорошо вместе, помнишь?

Я прижимаю ладонь ко лбу. Слезы наворачиваются на глаза.

— Помню, — тихо говорю я. — Глеб, но дело не в воспоминаниях.

— А в чем тогда? — его голос звучит искренне удивленно. — Мы же строили жизнь. Ты хочешь все это выбросить?

Его слова больно ранят. Это искушение вернуться к тому, что когда-то казалось правильным, но я знаю, чем это закончится.

— Я была счастлива, — мой голос срывается. — Пока все не стало ядом. Пока ты не начал унижать меня за то, какая я есть, за каждый мой успех. А теперь... теперь у меня нормальная жизнь. И ты не можешь просто ворваться и все разрушить.

Наступает пауза. Я слышу, как он подбирает слова. Я знаю, что он скажет.

— Я буду поддерживать тебя, честно! — умоляет он. — Мы все уладим. Ариш, тебе не нужно прятаться за своими делами... за тем, чем ты занята. Это последствия ковида, побочный эффект карантина. Ты застряла в рутине, делаешь вид, что все нормально. Ты ведь не хочешь этого?

Я резко выпрямляюсь. Внутри меня закипает гнев.

— Не смей, — произношу я ледяным тоном. — Даже не

думаю обвинить меня в том, как я провожу свою жизнь. У меня все отлично. Мой «Отряд» — плод моих усилий, а не твоих жалоб на диване. Я иду дальше, Глеб. Прочь от твоей ревности, манипуляций и вечного контроля.

— Да я не контролирую тебя! — кричит он. — Я просто беспокоюсь! Я честен с тобой! Я скучаю по тебе, ты нужна мне, и я знаю, что ты тоже нуждаешься во мне!

Я чувствую такую ярость, что рука с телефоном мелко дрожит.

— Нет, — чекаю я каждое слово. — Ты мне не нужен. Ты никогда не давал мне того, что мне было нужно на самом деле. Ты только заставлял меня чувствовать себя маленькой, никчемной и виноватой. И я больше этого не допущу. Я не та кукла, которой ты хочешь меня видеть.

В трубке слышится его тяжелое, злое сопение.

— Всё кончено, Глеб. Точка. Я к тебе не вернусь. Мы всё закончили еще тогда.

Секунда тишины, от которой звенит в ушах.

— Понимаю, — наконец выдавливают он. Его голос полон покорности, и от этого становится и грустно, и легко. Но Глеб не был бы Глебом, если бы не добавил напоследок: — Но я знаю, что мы могли бы всё исправить.

— Мы оба заслуживаем чего-то получше, чем «исправлять» то, что давно сгнило, — твердо говорю я.

— Прощай, Арина. Но если вдруг я тебе понадобится...

— Прощай, Глеб, — я нажимаю «отбой», не давая ему

договорить.

Кладу телефон на стол. В груди — странная смесь легкости и ноющей пустоты. Наверное, это и есть скорбь по тому, что когда-то было дорого. Но я не позволю себе сомневаться: назад пути нет.

Нужно срочно переключиться. Подумать о чём-то приземленном, глупом, смешном. О чём-то, что не связано с этим высасывающим силы прошлым.

Лерка! Я как раз собиралась ей написать, когда этот «призрак» объявился. Вот она меня точно поймёт.

Быстро печатаю сообщение:

«Лер, ты не согласишься! Мой угрюмый паренек перешёл в наступление. "Йога-скандал" официально открыт — мне прилетела выписка из протокола за коврик в коридоре!»

Замираю на секунду. А потом добавляю:

«И еще... Глеб звонил. Пытался всё вернуть, но я его отправила по известному адресу. Кажется, я наконец-то свободна, подруга».

Жму «отправить». Лера, наверное, по уши в анализах пациентов, но она всегда быстро отвечает, даже на абсурдные сообщения.

Телефон звонит. Снова спасает лучшая подруга. Нажимаю на кнопку.

— Йога-скандал? — весело спрашивает Лера. — Сначала Глеб. Что ты ему сказала?

Лера знает всё о Глебе. Мы дружим с тех пор, как жили

вместе в универе. Потом я переехала к нему, а она приютила меня, когда я ушла от Глеба.

— Что всё кончено. Мы закончили.

— Молодец, Арина, горжусь тобой!

— Понимаю, что поступила правильно, но всё равно больно.

Лера говорит:

— Ты знаешь, во что превратились эти отношения. Ты справишься без него. Ты стала сильнее, построила что-то для себя. Противоречивые чувства — это нормально, но ты идёшь вперёд. Не оглядывайся назад.

— Ты права.

— А теперь... настоящий повод для звонка. Йога-скандал. Рассказывай. Это про того самого хмурого парня, да?

Лера в курсе всех историй про Артёма. Я рассказывала ей о ледяных взглядах в лифте и его ауре всеобщего неодобрения. Знаю, что она не в курсе, что хмурый владелец всего комплекса — тот самый парень, с которым я провела ночь...

— Ох, Лера, даже не представляешь, — выдыхаю я, расхаживая по крохотной гостинной. — Всё стало ещё хуже.

— Давай, — заинтригованно требует она.

— Помнишь протекающий кран?

— Твоего злейшего врага, который с каждым днём капает всё громче?

Закатываю глаза.

— Очень смешно. Утром я написала в управляющую ком-

панию. Добавила немного юмора, чтобы сгладить удар... сантехнического характера.

— Арина, смягчать удары — не твоё. Юмор — да. Субтильность? — смеётся Лера.

— Я была субтильной... вроде как. Короче, они ответили. Безжалостно коротко. «Техническое обслуживание запланировано на завтра, с 9:00 до 11:00». И всё. Ни «Уважаемый жилец», ни «Спасибо», просто... «Обслуживание запланировано». Будто я сломанный тостер.

— Похоже на хмурого владельца, — фыркает Лера.

— Точно. Но погоди, дальше — хуже. Или лучше... Час назад — ещё одно письмо. Тема: «Нарушение правил проживания».

— Нарушение правил проживания? Ты что, покрасила дверь в неоново-розовый?

— Нет. Угадай.

— Ладно, сдаюсь. Ты повесила... гирлянды в коридоре? Ты же знаешь...

— Коврик для йоги.

Молчание. Затем Лера взрывается хохотом.

— Коврик для йоги? Ты серьёзно? Что... фиолетовый цвет запрещён?

— Дело не в цвете. Мой коврик для йоги, который стоит в общем коридоре у двери, почти внутри квартиры, считается «прямым нарушением Правила проживания 3.7а». Цитирую письмо: «Запрещено хранение личных вещей в общих зонах,

включая коридоры».

— Боже, Арина!

— Да, он ненормальный. Он требует убрать немедленно и грозит полицией коридоров.

— Полицией коридоров! Я умираю! Ты действительно должна это письмо в рамку повесить. Наш угрюмец поставил новый рекорд в искусстве быть мрачным.

— Правда? — уголки губ тянутся в улыбку. — Это же показуха.

— Может быть. Для кого-то, кто считается трудным, ты слишком много о нём говоришь.

— Он мой миллионер! И пишет мне про коврики для йоги! Конечно, я о нём говорю.

— И...?

— Нравится ли он тебе?

— Лера, в лифте он смотрит на меня таааа-ааак.

— Да, угрюмость — да. Ты говорила, что он в отличной форме и тебе нравится, как он выглядит.

— В отличной форме. И высокий, но... угрюмый! До ужаса унылый. Это портит впечатление. Нет, это часть его.

Удивительно цепляет и раздражает. Одна часть пакета — отлично видна, но я не стану об этом говорить.

— «В отличной форме» — многозначная фраза, Арина, — весело говорит Лера.

— Подруга, может, оставить коврик в коридоре ещё ненадолго? Посмотреть, как он будет усиливать давление.

— Обязательно попробуй.

— Ну вот, так и поступлю. А сейчас мне пора. Новый комплекс упражнений пришлю позже. Ты же знаешь: ты мой секретный врач и тренер, следишь за занятиями и помогаешь сделать их эффективнее.

— Буду ждать, Арина.

Смотрю на коврик для йоги. Я оставила его в прихожей случайно, но убирать не буду. Кладу его в чёрный чехол для хранения и прячу в нишу так, чтобы не было видно. Разве что если кто-то будет искать специально.

Угрюмый собственник жилого комплекса — он официально стал таким. И у меня чувство, что нас ждёт много нового.

Глава 8

Арина

Первая неделя после переезда пролетела незаметно. Последние три дня на работе слились в один бесконечный поток совещаний. Когда я уже почти ощутила вкус свободы, у дверей появился Марк Тихонов, наш менеджер среднего звена.

Марк — спокойный, ненавязчивый и приятный человек.

Мы активно разрабатывали кампанию для благотворительного фонда. Наша цель — помочь детям из трудных семей освоить цифровые навыки. Это действительно значимая работа, которая приносит удовлетворение, в отличие от продвижения очередного дорогого бренда.

Выключаю ноутбук, собираю вещи. День завершён, пора домой. Прохожу мимо Марка...

Он проходит мимо и говорит:

— Хорошо поработала на этой неделе.

Я улыбаюсь:

— Спасибо. Мне тоже понравилось работать над этим проектом.

Марк останавливается, пожимает плечами и усмехается:

— У тебя явный талант. Хорошего вечера, солнышко.

Он стоит с ключами в руке, будто задумавшись.

— Солнышко? — переспрашиваю я, нахмурившись. Так зовут меня в соцсетях, но на работе это прозвище никогда

не звучало.

Марк выглядит смущенным и мнется.

— Ты тренировки мои смотришь?

— Пару минут утром. Твоя зарядка помогает проснуться.

Раньше не верил, но теперь втянулся, — с улыбкой говорит Марк.

— Ты хочешь сказать, что наш офис стал студией йоги?

— Почти. Мы занимаемся только самыми энергичными упражнениями. Теперь у нас утренний ритуал: пять минут йоги и потом кофе.

Я вижу коллег, неловко пытающихся выполнить асаны в своих кабинетах, и тоже улыбаюсь.

— Главное, чтобы на планёрке никто не начал расслабляться, — шучу я.

— Пока справляемся, — отвечает Марк и машет мне рукой. — Отдыхай!

Домой идти десять минут. Выхожу из офиса и оказываюсь в теплом вечернем воздухе Москвы, чуть прохладном и свежем. Город живёт: люди разговаривают, машины гудят в пробке. В офисе всё было иначе: спешка, напряжение. Заворачиваю в круглосуточный магазин на углу и покупаю продукты на ужин. Вижу идеальные персики и не могу удержаться, беру их.

Захожу в зал с пакетами и замираю, оглядываясь. Часть меня надеется встретить Артема. Признаюсь, смотреть на него — одно удовольствие. Хмурый он или весёлый, но вы-

деляется из толпы моментально. Другая моя часть, поумнее, уже готовится к неловкой поездке в лифте. Наше общение странное. Совсем не как у соседей.

Ещё раз осматриваю зал: серые стены, деревянные панели. Артема нет. Наверное, сидит в пентхаусе, сочиняет новые запреты или хмурится в окно.

Не видела его больше недели. Вроде должна радоваться, но внутри предательски кольнуло разочарование. «Так, хватит!» — командую себе.

Дома я первым делом разбираю покупки: шпинат, перцы, те самые персики. Кран, наконец, починили — спасибо управляющей компании, они не затягивают с ремонтом.

Я сажусь на диван с телефоном. После рабочих задач и стратегий нужно отдохнуть. Позитивные комментарии от «Солнечного отряда» — это то, что нужно.

Просматриваю последние отзывы. Как всегда, много теплых слов: «Арина, ты вдохновляешь!», «Комплекс просто супер!», «Спина теперь в порядке!». Везде улыбающиеся солнышки. Приятно. И тут замечаю комментарий от незнакомого аккаунта.

«Обожаю твои зарядки. Они делают мой день!».

Обычно я пролистываю дальше, но что-то зацепило мой взгляд. «Утренний заряд бодрости»? Звучит слишком оптимистично. Улыбаюсь и ставлю лайк. Разве не стоит делиться теплом?

И тут приходит новое сообщение. Открываю его...

«Может, поменьше тыквенного сока, Солнышко? А то бока уже видны. Хорошо хоть, что на работу пешком ходишь», — написал он.

Меня затошнило. «Ходишь на работу пешком?» «Тыквенный сок»? Откуда он это знает? И «бока видны»... Этот тип реально говорит о моей фигуре?

Палец завис над кнопкой «Заблокировать», но я застыла. Кто это? Имя пользователя — бессмысленный набор букв. По спине пробежал озноб, хотя в квартире было жарко.

Телефон снова вибрирует. Очередное сообщение, очередной аноним: «Рад, что ты за правильное питание».

Я бросил взгляд на пакеты на столе: шпинат, болгарский перец, персики. Во рту пересохло, лицо обдало жаром, который медленно поднимался по шее. Пальцы так сильно сжали телефон, что побелели костяшки. Это не случайность. Кто-то действительно следит за мной.

Нужно срочно поговорить с Лерой. Я набираю её номер, сердце колотится в горле.

— Привет! — бодро сказала Лера, её голос прозвучал неожиданно звонко в тишине моего телефона. Судя по фоновому шуму, она была на улице.

— Привет, — ответила я, стараясь говорить непринуждённо, но мой голос звучал натянуто. — Ты не сильно занята?

— Да нет, решила выпить кофе перед сном. Что случилось, солнышко?

«Солнышко» — это мой ник в соцсетях. То же самое имя использовал мой возможный сталкер. Я сглотнула, стараясь не выдать тревогу. Не стоит пугать Леру сразу.

— Тут такая странная штука произошла, — начала я, пытаясь говорить спокойно, но в голосе всё равно проскользнула фальшь. — Помнишь видео, которое я утром выложила? Ну, про зарядку?

— Ага, то самое, бодрое. Видела, видела. Огонь, как всегда!

— Ну вот... Я тут комментарии читала... И один из них показался мне очень странным. Слишком личным.

— В каком смысле странным? — голос Леры мгновенно стал серьёзным. Она всегда чувствовала мою интонацию.

Я зачитала вслух сообщения.

На том конце повисла пауза.

— Это уже слишком, — говорит Лера. — Ариш, послушай, — продолжает она. — Это, скорее всего, просто какой-то человек сидит в своей квартире и считает себя мастером розыгрышей. Ты же теперь знаменитость, помнишь? У популярности всегда есть обратная сторона — такие вот неприятные типы.

Мне хочется ей верить. Хочется отмахнуться и забыть, но желудок скручивается в узел.

— Да, ты права, — говорю я, хотя сама себе не верю. — Это просто какой-то сумасшедший фанат.

— Вот именно! — с облегчением говорит Лера. — Ви-

дишь? Не о чем беспокоиться. Просто... может, не стоит так много выкладывать личного? Не публикуй свои покупки в истории. И ты сама недавно говорила, как любишь тыквенный сок.

В ее голосе все равно чувствуется тревога.

— Базовые правила цифровой безопасности, — напоминает она. — Ты сейчас слишком яркая, не забывай иногда надевать темные очки, хорошо?

Я кладу трубку, но облегчения не наступает. Спокойствие Леры слегка смягчает страх, но беспокойство в груди остается. Может, она и права. Это всего лишь скучающий неудачник. Но что-то внутри не дает покоя.

Снова смотрю на экран. Комментарий висит, как упрек. «Слегка заплываешь», — написано зло. Но больше всего пугает фраза о прогулке.

Вечернее солнце заливает комнату оранжевым светом, но мне холодно. Сирены на Садовом звучат непривычно резко. Обычные звуки города кажутся угрожающими, будто кто-то пытается нарушить мой покой. Медленно подхожу к окну.

Там может быть кто угодно.

Сталкер.

Это не просто лайки и сердечки. Это что-то большее. По спине пробегает холодок. Это не просто интернет-извращенец. Кто-то действительно следит за мной, и мой уютный мир теряет безопасность.

Неужели так будет всегда? Мои мечты о светлом будущем

в Москве вдруг заволокло серым, тревожным туманом.

Глава 9

Павел

Утро начинается одинаково: черный кофе, черная спортивная форма и холодный, серый город за окном, готовый перемолоть слабых. Я на беговой дорожке, кроссовки врезаются в полотно, километр за километром. Пот ручьями стекает по лицу, челюсти сжаты. В этот момент звонит Паша Громов. Личный номер — значит, дело, не просто треп. Паша — мой заместитель, я доверяю ему управление активами компании «Крест».

Сейчас он в Питере.

— Крылов, — бросаю в трубку, не замедляя бега. Сердце колотится, легкие горят, и это именно то, что мне нужно. Полная отрешенность от реальности.

— Доброе утро, Артем. Отчет по сделке с «Соколовыми». Со стороны их юристов наблюдается намеренное затягивание процесса — они продолжают оспаривать формулировки в завершающих пунктах контракта.

Паша говорит сухо и по делу, без лишних любезностей.

— Что конкретно их беспокоит? — я увеличиваю наклон дорожки, показывая крутой подъем.

— Все как обычно. Вопросы по разграничению ответственности, экологические риски после поглощения. Ты же знаешь, как это работает.

Да, это стандартная процедура, которая повторяется каждый день. Юристы любят затягивать процесс из-за каждой мелочи.

— Паш, хватит с ними церемониться. Даю им сорок восемь часов. Никаких переговоров. Если не подпишут — уходим из сделки.

В трубке повисла тишина. Паша понимает, что я не шучу. «Соколовым» эта сделка нужна немедленно, но я не собираюсь идти у них на поводу.

— Понял, — голос Паши становится более сосредоточенным. — Решу за сорок восемь часов.

— Тогда действуй, — я завершаю разговор.

Бросаю телефон на стол и ускоряюсь. Быстрее, жестче. Нужно хоть что-то ощутить. Жжение в мышцах выметает из головы лишние мысли. Потом ледяной душ. Захожу в гостиную — все из стекла и стали. Город внизу живет своей жизнью, мне до него нет дела. Еще один день. Еще одна сделка. Еще одна победа, которая не приносит ни радости, ни удовлетворения. Азарт давно исчез.

Снова звонок, но на этот раз в домофон. Вероятно, это Ларионов. Очередные жалобы жильцов, которые мне безразличны. Хотел проигнорировать, но звонок повторился, настойчиво так. Ладно, открою.

— Крылов, — коротко отвечаю я, не пытаясь скрыть раздражение.

— Доброе утро, Артем Крылов. Это Борис Ларионов.

— Ларионов, — устало произношу я. — Ближе к сути.

— Все работает как часы, график обслуживания соблюдается, происшествий нет, — быстро докладывает Ларионов.

Я думаю о происшествиях с жильцами. Это всегда лишь вопрос времени.

— Хорошо, продолжайте в том же духе, — отворачиваюсь к окну, где уже образовались глухие пробки.

— Но есть один момент, — Ларионов вдруг запинаясь. Странно, обычно он не церемонится. — Квартира 1005. Помните Волкову? Ту девушку, что заселилась пару недель назад?

Волкова Арина. Имя врезается в память, но я сразу подавляю мимолетное желание. Включаю режим управляющего. Она просто жилец.

— Волкова, что с ней? — спрашиваю ровным, холодным тоном.

— Только что видел ее в зале, она на работу уходила. Знаете, она какая-то не такая. Уже пару дней.

«Не такая»? Арина? Невозможно. Она всегда как лучик солнца, вечно на позитиве. Наверное, это просто утро понедельника. У всех бывает.

— Что ты имеешь в виду, Ларионов? — стараюсь сохранить профессиональный тон.

— Трудно объяснить. Будто из нее душа ушла. Обычно она всегда улыбается, здоровается бодро. А сегодня... рассеянная, тихая. Поздоровалась, но взгляд потухший. Сказала

что-то про «проблемы в интернете». Сидела, как на иголках.

Какие еще дела в интернете? На иголках она... Арина? Да не вяжется это с ней. Она же будто из солнечного света сделана, вечно на позитиве.

— Проблемы в интернете? — переспрашиваю я с легким раздражением. — Личная жизнь жильцов нас не касается, Борис. Зачем вы мне это говорите? Какое дело то Пока это не угрожает безопасности здания, меня это не волнует.

— Конечно, Артем, безопасность превыше всего. Я просто хотел напомнить. Вы ведь сами говорили: лучше знать все, чем ничего.

— Ясно. Что еще по дому? — меняю тему.

Ларионов докладывает о графиках техобслуживания, осмотре крыши и давлении в котлах. Это скучно, но приятно. Скука — признак того, что всё под контролем. Я внимательно слушаю, раздаю указания и кладу трубку.

Но слова Ларионова не дают мне покоя. Арина явно чем-то встревожена. «Проблемы в интернете», — говорит она.

Что за ерунда?

В офисе дела навалились, как снежный ком. Совещания, переговоры, отчеты — рутина поглотила меня целиком. Работа, контроль, четкая структура — никаких лишних мыслей, эмоций.

Но одна мысль не давала покоя. Арина. Фразы Ларионова вертелись в голове, мешая сосредоточиться. «Потухший взгляд», «на иголках» — он все-таки заставил меня задуматься.

маться.

Почему я про нее думаю?

Когда я возвращаюсь в «Речные Сады», ноги сами несут меня к посту охраны. Вместо того чтобы просматривать еженедельные отчеты вместе с Мизоевым, начальником службы безопасности, я не могу оторвать взгляд от мониторов в диспетчерской, на которых транслируется зал. Это глупо. Арины там точно нет. Она работает в центре, в маркетинге. Не важно, но я продолжаю смотреть на экран.

— Артем, всё нормально? — голос Мизоева вырывает меня из ступора. Он умный парень, видит всё. Иногда даже слишком много.

— Отчёты, Алексей, — отвечаю я деловым тоном. — Давай по пунктам.

Мизоев зачитывает документы за ночь: сработки датчиков на дверях, проверка периметра... Всё под контролем, но мои глаза снова устремляются к монитору. Пусто. Серый мрамор, дорогие деревянные панели, безжизненный декор. Красиво, но бездушно. В отличие от... неё. Нет, хватит. Соберись.

— Были какие-то инциденты с жильцами за последние дни? — вопрос вырывается сам собой. Непрофессионально и глупо, но я всё же спросил.

Алексей на мгновение замер, взглянув на планшет. Он профессионал, лишних вопросов не задает.

— Ничего серьезного, протечка в 212-й, завтра исправят.

И еще... одна жительница с десятого этажа интересовалась мерами безопасности на прошлой неделе и сегодня утром.

Десятый этаж. Ее этаж. Почему она спрашивает об этом?

— Меры безопасности? — я постарался скрыть волнение.

— Кто именно?

— Волкова из 1005-й. Интересовалась камерами в зале, надежностью замков и освещением на лестницах. Вопросы обычные. Ушла довольная ответами. Официальных заявок не подавала, но сегодня снова приходила с теми же вопросами.

Ей тревожно... Ларионов и Мизоев говорят одно и то же. Совпадение? Арина Волкова донимает не только меня, но и мой персонал. Она выбивает меня из колеи. Это абсурд, но факт остается фактом.

— Трансляция из зала, Алексей. Увеличьте четвертый сектор, — сказал я, хотя и понимал, что это глупо. Но мне нужно было увидеть это своими глазами. Для контроля.

Мизоев нажал пару кнопок на планшете, и картинка на главном экране изменилась: четвертый сектор, входная группа, машины, редкие прохожие.

Алексей закончил доклад о модернизации системы. Я кивнул, почти не слушая его, — мой взгляд был прикован к монитору.

— Хорошо, Мизоев, можете идти, — коротко кивнул я и вышел.

Мне нужно было побыть одному, погасить эту... вспыш-

ку внутри. Это не беспокойство, точно. Просто раздражение, обычные капризы жильцов, не более.

Я возвращаюсь в пентхаус, когда Москва начинает зажигать вечерние огни. Сумерки в городе наступают внезапно: только что было серо, и вот уже все заливают густая чернота. Стою у панорамного окна, смотрю на светящийся мегаполис внизу. Огромный, холодный, равнодушный к моей судьбе. Просто бетон, стекло и сталь. Моя империя, которую я строил годами, но сейчас кажется бессмысленной.

Взгляд опускается на десятый этаж. Квартира Волковой. Отсюда я не вижу ни ее окон, ни ее саму, но мне и не нужно. Просто смотрю. Вглядываюсь в пустоту, ищу ответы на вопросы, которые даже не должен себе задавать.

«Проблемы в интернете», — сказал Ларионов. «На взводе», — добавил Мизоев. Арина спрашивает про усиленную безопасность, интересуется камерами и замками. Ерунда какая-то. Возможно, она просто набивает себе цену или привлекает внимание. На пустом месте раздувает из мухи слона.

Волкова — королева драмы, которой стало скучно. Но что-то внутри меня твердит обратное. Ларионов — старый лис, он чувствует искренний страх. И Мизоев... он не скажет лишнего без уверенности. Совпадение? Или за этим «интернетом» скрывается что-то опасное?

Я уловил знакомый запах — морской воды. Соленый, пронзительный... Откуда здесь? В центре Москвы, на сороковом этаже закрытого дома? Дыхание перехватило. В вис-

ках заломило, будто вернулось фантомное воспоминание.

Дана.

В ту же секунду нахлынули образы, которые я пытался похоронить. Беспомощность, парализующий страх, ощущение, что все летит в бездну, а я ничего не могу сделать. Нет, надо заглушить. Сейчас же. Контроль — это все, что у меня есть. Я не позволю прошлому вырваться наружу. Никогда.

Этот запах...запах моря. Я чувствовал его больше пяти лет назад, в тот самый день. Почему он вернулся? Он висел в воздухе, горький, настойчивый. Морская вода и что-то еще. Что-то, от чего сводило зубы. Вина? Нет. Невозможно. Я все сделал правильно. Я выжил.

«Не такая яркая», — всплыли слова Ларионова. Арина-Солнышко начала угасать? Невозможно представить, но от этой мысли стало не по себе. Если кто-то решил покуситься на этот свет...

Я снова почувствовал запах моря. Почему сейчас? Почему это связано с Даной?

Стиснул челюсти так, что зубы закрипели. Капризы арендаторши разрушили мой идеальный день. Это бесило меня, выбивало из колеи, но взгляд оставался прикованным к территории дома внизу. Я был насторожен, хмурился и злился.

Какое отношение все это имело к Данае? Они не имели ничего общего. Но внутри росло странное чувство. Глухое и тревожное, которому я не мог дать имя. Признать его означало признать, что теряю контроль. Этого я допустить не мог.

Глава 10

Арина

Утро понедельника. Натягиваю дежурную улыбку, провожу пропуском через турникет офиса «Кванта» и стараюсь казаться спокойной. Но теперь я постоянно боюсь и получаю странные сообщения от анонимного преследователя. К счастью, мой обычно угрюмый Артем, который раньше смотрел на меня так, будто я виновата во всех бедах, исчез. Хоть одна проблема меньше.

В офисе, как обычно: гудит кондиционер, пахнет дешевым кофе из автомата, слышится стук клавиш. Но сегодня всё иначе: каждый шорох за спиной вызывает тревогу, каждый взгляд коллеги кажется подозрительным. Паранойя медленно захватывает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.